

UNITED WISDOM

Вдохновение и ремесло в длительной работе

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A-25-N05 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Вдохновение и ремесло в длительной работе

Эпиграф

> *То, чему нам нужно научиться прежде, чем мы сможем это делать, мы осваиваем, делая это.*

Аристотель, «Никомахова этика», II.1; фрагмент предложения перед примерами строителя и музыканта. Собственный перевод United Wisdom с английского текста W. D. Ross в Internet Classics Archive; точное печатное издание электронной записи не установлено. Это рассуждение о деятельности и привычке, а не экспериментальная теория творчества.

О чём эта статья

Представим иллюстратора, который задумал атлас городских дверей и проходов. Первые рисунки возникли легко: необычный свет, старая арка, ощущение, что найден собственный взгляд. Через несколько недель остаются размеры, подписи, повторные выезды и страницы, которые не складываются в книгу. Изменился характер работы, но человек может принять это за исчезновение самого замысла. Статья исследует, как отличить вдохновение, открывающее направление, от ремесла, позволяющего провести работу через разные стадии. Мы рассмотрим полезное повторение и закрепление ошибки, скуку и потерю смысла, новые идеи и постоянное уклонение от выбранной, пересмотр и завершение. Аристотелевская связь деятельности с навыком и стоическое напоминание о человеческом деле дают ограниченные философские опоры; они не обещают творческого успеха и не превращают истощение в добродетель. Практический вопрос здесь — какое следующее действие служит именно этому произведению, по каким признакам его можно проверить и когда разумно изменить условия или закончить попытку.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Искра показывает возможность, но ещё не задаёт работу

В условной истории Нина рисует входы старого квартала и решает собрать из них небольшой атлас. Её привлекает не каталог недвижимости, а то, как дверь связывает улицу с чужой повседневностью. За один вечер появляются три выразительных листа. Этот опыт заслуживает внимания: в нём найден способ смотреть, который хочется развить. Но выразительность первых листов ещё не определяет, сколько их должно быть, как они будут расположены и что читателю понадобится узнать. Нина получила начало работы, а не свидетельство, что будущая книга уже сложилась внутри неё и осталось только беспрепятственно её извлечь.

Когда начальный подъём принимают за готовую конструкцию, обычные решения начинают выглядеть помехами чуждого происхождения. Подпись под аркой будто нарушает чистоту рисунка, согласование доступа к двору будто отдаляет от искусства, выбор размера страницы будто должен произойти сам. Между тем именно эти решения меняют то, что другой человек сможет увидеть и понять. Нине нужно решить, создаёт ли она маршрут для прогулки, художественную последовательность или рассказ о городской памяти. Решение может оставаться предварительным, однако различие уже имеет последствия. Для маршрута важны ориентиры, для последовательности — связи изображений, для рассказа — проверенность сведений, на которых держится повествование.

Вдохновение не обязано сразу отвечать на все эти вопросы. Его можно сохранить как значимый начальный опыт, не возлагая на него полномочия будущего редактора, исследователя и печатника. Это позволяет не обвинять себя, когда работа перестаёт быть похожей на первый вечер. Новая стадия требует другого участия. Нина может сформулировать временный замысел одной фразой и выбрать несколько страниц для проверки. Если фраза не выдержит встречи с материалом, её можно изменить. Тогда изменение станет результатом конкретного опыта, а не общим выводом, что всякая сложность означает потерю подлинного вдохновения и требует ждать нового внезапного начала.

II. Ремесло удерживает различия внутри повторения

Повторяющаяся операция не обязательно является одинаковой. Нина снова рисует дверной проём, но сегодня ей нужно точнее показать глубину, завтра — сохранить различие материалов, а потом — удержать общий масштаб разворота. Если она замечает эти задачи, повторение приобретает предмет. Если выполняет одно и то же движение лишь потому, что оно знакомо, накопление листов может скрыть отсутствие развития. Ремесло здесь означает способность видеть, что именно сейчас требует внимания, выбирать подходящее действие и различать получившийся результат. Оно не сводится к количеству проведённых часов или к готовности терпеть монотонность без вопросов.

В «Никомаховой этике», II.1 и II.4 Аристотель связывает приобретение умения с деятельностью, но различает хорошую и плохую практику; качество произведения также не тождественно нравственному состоянию автора. Этот философский довод помогает поставить вопрос о характере повторения. Он не устанавливает норму часов, не измеряет творчество и не позволяет судить о человеческой ценности Нины по качеству рисунка. Дальнейшее различение относится уже к нашей редакционной задаче: чему служит повторяемое действие в выбранном атласе и какой признак покажет, что оно изменило работу.

Нина может взять два листа и сравнить только передачу глубины, временно оставив цвет и общую выразительность. Такой ограниченный просмотр не означает, что остальные качества не важны. Он делает замечание достаточно точным, чтобы с ним можно было работать. Затем полезно вернуть отдельное изменение в целую страницу: улучшенная глубина иногда разрушает лёгкость рисунка или отвлекает от прохода, ради которого он сделан. Ремесленная проверка движется между частью и целым. Она помогает не защищать привычный приём только потому, что он уже отработан, и не объявлять каждое новое движение достижением до встречи с конкретной задачей.

III. Закреплённая ошибка тоже может выглядеть уверенностью

Накопленная лёгкость выполнения не доказывает, что действие стало пригоднее. Допустим, Нина умеет быстро подчёркивать тёмной линией край каждой двери. На отдельном листе это даёт ясный силуэт, но на развороте все проходы становятся одинаково тяжёлыми, хотя в натуре одни почти растворяются в стене. Приём выполняется уверенно и всё же стирает различие, ради которого задуман атлас. Здесь важно оценить не свободу руки саму по себе, а её отношение к предмету. Работа может требовать отказаться от эффектного движения, а не ещё быстрее и аккуратнее повторять его на следующем листе.

Замечание должно иметь проверяемую форму. Общая фраза «ты слишком увлеклась стилем» легко превращает обсуждение страницы в спор о личности. Более точное наблюдение: на трёх изображениях одинаковая линия делает разные материалы похожими, и подписи начинают объяснять то, что рисунок перестал различать. С таким наблюдением Нина может согласиться, возразить или предложить другой вариант. Возможно, единообразие было сознательным художественным решением. Тогда нужно проверить, соответствует ли оно замыслу и понимает ли читатель его роль. Ни отказ от приёма, ни его сохранение не являются заранее правильными лишь потому, что один вариант звучит как дисциплина, а другой как свобода.

Полезная обратная связь оставляет автору работу с основанием замечания. Она не передаёт другому человеку обязанность выбрать за Нину весь образ книги. Она также не требует бесконечного круга советчиков: несовместимые предложения нужно соотнести с одной задачей, а не выполнить все одновременно. Можно сохранить две версии страницы и назвать, что в каждой стало яснее и что потерялось. Если разница не различима, честнее признать это, чем приписать новой версии улучшение по факту затраченного труда. Проверка даёт сведения для следующего решения; она не гарантирует признания и не превращает любое внешнее мнение в окончательный критерий качества.

IV. Условия возвращения важнее театра постоянного подъёма

Длительной работе нужны условия, в которых к ней можно вернуться, даже когда настроение не воспроизводит первый вечер. Это не требует единственного правильного ритуала. Нине может помочь оставленная на столе следующая страница, отдельная папка проверенных подписей и короткая запись о нерешённом вопросе. Эти предметы не вызывают вдохновение по команде. Они уменьшают необходимость каждый раз заново выяснять, на чём остановилась работа и почему выбран именно этот шаг. Условия возвращения служат памяти о конкретном произведении. Их полезность можно оценивать по доступности следующего действия, а не по красивому виду собственного рабочего уклада.

Ритуал становится сомнительным, когда получает больше требований, чем дело. Если Нина считает, что рисовать можно только при определённом свете, с полным свободным утром и без единой посторонней мысли, реальная возможность работы сужается. Возможно, для отдельной операции свет действительно важен; тогда нужно назвать эту операцию и её условия. Подписи, выбор последовательности и проверка адресов могут требовать другого устройства дня. Разделение задач не обесценивает художественную часть. Оно позволяет не предъявлять к каждой стадии требования самой чувствительной

стадии и не объявлять недоступность идеальной обстановки запретом на любое осмысленное движение.

При этом порядок нельзя использовать как обвинение человека, у которого нет спокойного пространства, времени или необходимых материалов. Условия различаются и иногда действительно не позволяют выполнить выбранный объём. Нина может сократить атлас, изменить способ работы, попросить о конкретной помощи или отложить выпуск. Такое решение относится к возможностям проекта, а не удостоверяет недостаток характера. Рабочее устройство остаётся предметом выбора и пересмотра. Оно не должно становиться новой системой испытаний, в которой прежде нужно заслужить право заниматься любимым делом безупречным расписанием, особой одеждой или постоянно убедительной историей о собственной творческой дисциплине.

V. Скука требует вопроса о месте работы

Слово «скучно» может обозначать разные положения и само по себе не выбирает действие. Нина устала от адресов, потому что уже решила художественную задачу и теперь проверяет служебные детали. Или ей скучно рисовать новые двери, потому что все листы отвечают на один и тот же вопрос и книга перестала развиваться. В первом случае можно ограничить объём проверки и закончить нужную операцию. Во втором стоит посмотреть, чего в атласе ещё нет: перехода, другого времени суток, изменения точки зрения или понятного основания отбора. Одинаковое ощущение не позволяет заранее объявить любой из этих случаев леностью либо свидетельством исчерпанного замысла.

Различение начинается с предмета ближайшей работы. Если задача ясна, её необходимость понятна и результат можно увидеть, отсутствие удовольствия не отменяет её смысла. Однако эти признаки не обязывают терпеть любой объём в любых условиях. Можно проверить, не стала ли работа слишком большой или недоступной сейчас. Если же операция не имеет понятной роли, дисциплинированное исполнение способно только увеличить неопределённость. Нина может спросить, зачем атласу ещё двадцать похожих листов и что изменится, если их не будет. Вопрос о необходимости не является предательством вдохновения. Он помогает отличить верность произведению от верности первоначально придуманному количеству страниц.

Иногда ответ обнаруживает более трудную развилку: тема интересна Нине, но задуманный формат не передаёт того, что она увидела. Вместо книги может понадобиться небольшая выставка или последовательность рисунков без маршрута. Такой пересмотр стоит связывать с конкретными потерями и возможностями, а не с обещанием, что новый формат вернёт прежний подъём. Нужно понять, какие материалы сохраняются, какие решения придётся принять заново и кому уже было обещано другое.

Изменение имеет цену, но и продолжение прежнего устройства имеет цену. Скука становится поводом исследовать эту развилку, а не доказательством, что один вариант обязательно освободит человека от обычной работы.

VI. Человеческое дело не равно бесконечной занятости

В «Размышлениях», V.1 Марк Аврелий обращает нежелание вставать к стоическому человеческому назначению и общему благу. Он признаёт отдых, но использует и жёсткое сравнение с увлечёнными ремесленниками, забывающими о теле. Это нравственное увещевание внутри определённого мировоззрения; его напряжение нельзя скрыть за современной рекомендацией работать по расписанию. Наш вопрос уже: что сейчас является осмысленным участием в выбранном деле. Нина не обязана доказывать человеческое достоинство количеством рисунков, а художественный результат не становится нравственным оправданием любого способа его производства.

Ограниченная связь с этим текстом помогает спросить, чему принадлежит ближайшее действие, вместо того чтобы ждать особого чувства собственной исключительности. Нина может сегодня закончить одну подпись, проверить согласование доступа или исправить неточный рисунок. Каждое действие связано с книгой, хотя не всякое сопровождается тем состоянием, которое удобно назвать вдохновением. Однако выполнить действие и навсегда признать проект достойным продолжения — разные решения. Если условия изменились, нужно снова рассмотреть сам замысел. Ответственность за выбранное дело включает возможность заметить, что оно стало недоступным, ошибочным или несоразмерным, а не только способность ещё раз заставить себя приступить к нему.

Здесь полезно различать посвящение делу и демонстрацию посвящения. В первом случае решение объясняется тем, что оно позволяет сделать или сохранить. Во втором главным результатом становится видимость самоотдачи: человек остаётся за столом, хотя давно не может назвать, какую задачу выполняет. Посторонний наблюдатель не всегда способен различить эти случаи, поэтому статья не предлагает оценивать других по длительности работы или признакам усталости. Нина сама может сопоставить намерение, действие и результат. Если они расходятся, у неё есть повод изменить способ участия, вместо того чтобы повышать цену собственного усердия ради убедительной картины верности ремеслу.

VII. Новая идея может подождать, не будучи потерянной

Во время работы над атласом Нине приходит идея серии ночных рисунков городских крыш. Новизна даёт ясность, которой сейчас не хватает в старом проекте: всё опять кажется возможным, а ограничения ещё не обнаружились. Это не делает новую идею ложной. Но сравнивать её первоначальную привлекательность с трудностями почти готовой книги — значит сравнивать разные стадии. У новой серии пока нет неудачных листов, спорного порядка и обязанностей перед читателем. Нина вправе выбрать её, однако полезно понимать, что она меняет не только тему, но и своё положение внутри процесса, возвращаясь к началу, где многие решения ещё можно не принимать.

Запись новой идеи позволяет отделить сохранение от немедленного исполнения. Несколько строк о том, что заинтересовало, один набросок и вопрос, который хочется исследовать, могут удержать её до следующего пересмотра. Это не гарантия, что позднее идея останется столь же выразительной; часть замыслов действительно меняется. Зато такой способ не требует бросать атлас лишь ради доказательства уважения к каждому творческому импульсу. Можно назначить момент выбора после завершения пробного разворота или проверки последовательности. Тогда решение будет опираться и на материал текущей работы, и на яснее записанный новый замысел, а не только на различие эмоциональной яркости двух вечеров.

Если новая идея всё же обнаруживает важную ошибку старой, её не нужно изолировать ради дисциплины. Например, ночной рисунок показывает, что Нину интересует не устройство входов, а изменение границы между частным и общим пространством при разном освещении. Это может уточнить атлас, а может вывести к другой работе. Полезно назвать, какую именно мысль приносит новый материал, и проверить её на нескольких уже сделанных страницах. Пересмотр отличается от постоянного бегства тем, что имеет предмет и основания. Он сохраняет сведения о прежнем выборе и не требует объявлять прошлую работу бессмысленной, чтобы новая получила право на существование.

VIII. Чужой законченный результат не является собственным черновиком

Сравнение с сильной работой другого человека может дать критерий, но может и смешать разные предметы. Нина открывает изданный атлас и видит ясную последовательность, лёгкие подписи и уверенный рисунок. Перед ней выбранные страницы после работы автора, редактора и печатника; перед собой она видит всю неразобранную папку вместе с отвергнутыми вариантами. Из этого различия ещё нельзя вывести отсутствие собственного дара или недостаточную преданность делу. Но и простое утешение, что сравнивать нельзя, было бы бедным ответом. Нужно решить, что именно в чужом результате помогает поставить более точный вопрос к своему.

Можно исследовать один приём: почему переход между двумя чужими разворотами понятен без длинного пояснения. Затем Нина пробует назвать отношение между собственными страницами. Если отношения нет, это содержательное замечание, а не приговор личности. Если оно есть, но иной природы, чужой способ не обязан стать образцом для копирования. Такое чтение признаёт мастерство другого и оставляет возможность различия. Оно также требует честно отмечать заимствованный приём или источник, когда это существенно для представления работы. Восхищение не снимает обязанность понимать происхождение идеи, а собственное исполнение не превращает замеченную у другого конструкцию в независимо возникший замысел.

Публичное признание добавляет ещё одну шкалу, которую не следует молча подменять качеством. Чужая книга может быть заметнее из-за темы, издателя или обстоятельств распространения; статья не устанавливает, какой фактор определил её успех. Нина может хотеть внимания и обсуждать способы представить свой атлас. Но работа над представлением отличается от исправления рисунка и от решения, что книга должна сказать. Если каждую страницу проверять только предполагаемой реакцией публики, внутренняя задача постоянно меняется вместе с воображаемым зрителем. Полезно оставить отдельное место для вопроса об адресате, не превращая его в непрерывное голосование о допустимости каждого собственного художественного решения.

IX. Пауза нуждается в связи с возвращением

Пауза может быть частью работы, а может стать отказом, который человек пока не назвал. Внешне обе ситуации способны выглядеть одинаково: папка закрыта, новые листы не появляются. Поэтому нет оснований судить о чьей-то верности делу по непрерывной видимости занятий. Для самой Нины полезен более конкретный вопрос: что сейчас приостановлено, что останется доступным после перерыва и требуется ли решение перед возвращением. Если нужно дождаться ответа владельца двора, причина имеет внешний предмет. Если книга кажется невыносимо большой, возможно, сначала придётся изменить объём. Если Нина просто выбирает другое дело, это тоже можно признать без выдуманной истории о тайном созревании замысла.

Небольшая запись перед паузой помогает сохранить местоположение работы. В ней можно указать выбранную версию разворота, нерешённое сомнение и сведения, которые ещё нужно проверить. Такая запись не заставляет вернуться и не устанавливает универсальный срок отдыха. Она позволяет будущему решению опираться на сохранённые основания. После перерыва Нина может заметить, что прежде защищала ненужную страницу или, наоборот, слишком быстро собиралась отказаться от важного рисунка. Этот пересмотр не обязан быть чистым улучшением: дистанция иногда приносит новый взгляд, иногда требует заново восстановить тонкость прежнего наблюдения. Статья не обещает, что пауза сама исправит произведение.

Граница участия также относится к другим людям. Если Нина обещала передать пробные страницы редактору в определённый день, длительная пауза меняет условия совместной работы. По возможности нужно сообщить, что доступно сейчас и какой срок можно назвать честно. Это не требует раскрывать личные подробности или оправдывать право на отдых. Оно сохраняет возможность другого человека принять собственное решение. Верность ремеслу не состоит в том, чтобы выполнять любой срок ценой умолчания о качестве или состоянии материалов. Иногда ответственным действием становится передача неполной версии с ясным обозначением её границ, изменение обещания по согласию или отказ от выпуска в прежнем виде.

X. Завершение устанавливает границу, а не безупречность

Длительная работа может продолжаться потому, что ещё не готова, или потому, что не определено, что значит закончить её. Нина исправляет очередной рисунок и снова открывает вопрос о размере всей книги. Отдельная правка полезна, но каждый раз переносит весь атлас обратно в состояние замысла. Чтобы выбрать выпуск, нужны признаки достаточной целостности: понятный отбор, проверенные подписи, читаемая последовательность и качество изображения, соответствующее выбранному способу представления. Эти признаки нельзя назначить универсально для любого произведения. Их формулируют применительно к тому, что именно обещает данная книга и что её читателю действительно необходимо.

Согласованная граница не разрешает скрывать известную существенную ошибку. Если неверный адрес разрушает маршрут или подпись приписывает зданию неподтверждённую историю, это касается содержания атласа, а не бесконечного улучшения вкуса. Можно исправить, убрать утверждение или ясно обозначить неопределённость. Иная ситуация — рисунок, который Нина теперь сделала бы немного иначе, хотя он сохраняет выбранное различие и не вводит читателя в заблуждение. Возможность будущей более сильной версии не делает любую нынешнюю версию недопустимой. Для завершения нужно отличить известный дефект, требующий решения, от открытой возможности развития, которая останется у автора и после выпуска.

Законченный атлас сохраняет происхождение: рисунки, помощь других, проверенные и непроверенные сведения, выбор редакции. Нина может оставить заметки для будущей версии, не помещая всю внутреннюю историю в читательские страницы. Завершение освобождает произведение для встречи с другим человеком и оставляет автору возможность учиться дальше. Оно не гарантирует удовлетворения, продаж или окончательного чувства, что теперь удалось выразить всё увиденное. Вдохновение здесь не исчезает под ремеслом: первоначальный способ смотреть получает форму, которую можно предъявить, обсудить и при необходимости пересмотреть. Следующая работа начинается уже с этим опытом, а не с требованием вновь доказать чистоту собственного начала.

Что это значит на практике

Для выбранной длительной работы можно составить короткую запись, различающую замысел и ближайшую задачу. Нине стоит отдельно назвать, что атлас предлагает читателю, что сейчас не складывается и какое действие может дать новые сведения. Вместо общего обещания вернуться к книге она может выбрать один пробный разворот: проверить его порядок, одну спорную подпись или различие двух материалов на рисунках. Объём и время выбираются по действительным условиям, без универсального расписания. После действия полезно сохранить, что стало яснее, что осталось нерешённым и какой следующий вопрос теперь имеет основание. Отсутствие улучшения тоже является сведением; его не нужно украшать рассказом об обязательном творческом росте.

При повторении следует проверить, не закрепляется ли один известный дефект. Для этого достаточно конкретного сравнения, а не общего суда о таланте: какая часть страницы изменилась и помогает ли изменение целой работе. Новую идею можно записать отдельно и определить момент выбора между продолжением и пересмотром. Если она меняет исходный замысел, нужно назвать основание и цену изменения. Если просто возвращает приятную стадию начала, это тоже стоит увидеть. Ни сохранение прежнего плана, ни его замена не требуют доказательства особой нравственной высоты. Решение относится к произведению и доступным условиям, а не к праву человека считать себя автором.

Перед паузой полезно сохранить версию, нерешённый вопрос и необходимые сведения для возвращения. Перед завершением — различить существенные ошибки и необязательные улучшения, проверить обещанное читателю и обозначить происхождение работы. Если в деле участвуют другие, изменения объёма или срока лучше сделать понятными им в пределах нужной информации. В условной истории Нина возвращается не к требованию снова почувствовать первый вечер, а к выбранному развороту, который теперь можно рассмотреть и закончить. Это ограниченный способ организовать участие. Он не гарантирует вдохновения, успеха или отсутствия трудностей; его ценность в том, что очередное действие получает предмет, а пересмотр — основания.

Ключевая цитата

> *Я просыпаюсь, чтобы заняться человеческим делом.*

Марк Аврелий, «Размышления», V.1; заключительная часть первого предложения в электронной редакции перевода Meric Casaubon, Project Gutenberg 2680. Собственный перевод United Wisdom. Весь фрагмент относится к стоическому назначению человека и

общему благу; его жёсткие сравнения не принимаются здесь за предписание пренебрегать телом ради творчества.

Связи между традициями

Вопрос	Философская опора	Редакционная связь	Граница
Начать действие	Аристотель, II.1: умение и деятельность	Замысел встречается с материалом	Это аналогия, без нормы часов
Повторять осмысленно	Аристотель, II.1: практика бывает разной	Проверять конкретное изменение	Мастерство не гарантировано
Различать качества	Аристотель, II.4: произведение и нравственный поступок	Ошибка рисунка не определяет ценность автора	Искусство не сведено к этике
Возвращаться к делу	Марк Аврелий, V.1: человеческое назначение	Действие возможно без особого подъёма	Стоическая природа не теория творчества
Удерживать предел	Марк Аврелий, V.1: отдых и жёсткая самоотдача	Условия участия требуют пересмотра	Телесное пренебрежение не принято

Карта сопоставляет аристотелевскую этику и римское стоическое увещевание с современной редакционной задачей. Сходство вопросов не доказывает единой доктрины или исторического заимствования предлагаемого способа работы.

Первоисточники

1. Аристотель. Nicomachean Ethics, Book II. Internet Classics Archive, перевод W. D. Ross; использованы II.1 и II.4, включая контекст примеров деятельности и различие искусства и нравственного действия. Точный печатный источник электронной записи не установлен; это философская опора, не исследование творческой продуктивности.

2. Марк Аврелий. Meditations, Book V.1. Project Gutenberg 2680, электронный текст перевода Meric Casaubon; редакционные заметки описывают сравнение изданий 1634 и 1635 годов и изменения оформления. Прочитаны V.1 и соответствующая заметка об издании; карточка eBook сообщает public domain в США, выпуск 2001 года и обновление 13.07.2026. Права вне США независимо не установлены. Используется стоический контекст человеческого дела, с сохранением границ его переноса.

Теги

вдохновение, ремесло, длительная работа, творческий замысел, иллюстрация, художественный выбор, повторение, практика, обратная связь, проверка, качество, черновик, завершение, пересмотр, пауза, условия работы, внимание, скука, новая идея, адресат, авторство, происхождение, дисциплина, аристотелевская этика, Аристотель, Марк Аврелий, стоицизм, общее благо, достаточность, творческая ответственность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.